

ПЕРЕВОД КАК ИСТОЛКОВАНИЕ (HOR. CARM. 3, 30)

Всякий перевод несовершенен. О полной адекватности оригиналу не может быть и речи. В первую очередь это касается художественных переводов в стихах. Особенно нелегко переводить древних авторов. Конечно, в сомнительных случаях можно обратиться к научным комментариям и переводам на новые языки. Но этого недостаточно. Мнения комментаторов часто расходятся, а переводы не всегда близки оригиналу. Попытка передать средствами родного языка художественное своеобразие подлинника если и удастся, то ненадолго: меняется разговорный, а с ним и письменный язык, меняются литературные вкусы и эстетические запросы читательской аудитории.

В данном случае перевод интересует меня как истолкование оригинального текста. Предметом нашего рассмотрения будут два десятка переводов с латинского на русский язык оды Горация “К Мельпомене” (3, 30).¹

Ее русский перевод впервые появился в 1748 г. Его автором был М. В. Ломоносов. Вольное подражание или скорее переделку Горациевой оды публикует под названием “Памятник” в 1795 г. Г. Р. Державин. Через десять лет свои переводы Горация издают В. В. Капнист и А. Х. Востоков, а спустя еще десять лет в 1816 г. – С. А. Тучков. После выхода в свет в 1841 г. стихотворения А. С. Пушкина “Я памятник себе воздвиг нерукотворный” интерес к оде Горация в русской литературе уже не ослабевал. К ее переводу (последний из известных мне перевод С. В. Шервинского напечатан в 1962 г.²) обращались по меньшей мере пятнадцать переводчиков,³ некоторые из которых – поэты В. Я. Брюсов и В. Н. Крачковский – переводили ее двукратно. Об истории создания пушкинского стихотворения и русских переводах

¹ См.: *Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв.: Библиографический указатель*. Сост. Е. В. Свиясов (СПб. 1998) 296–297.

² *Античная лирика* (М. 1968) 410–411; Гораций. *Оды. Эподы. Сатиры. Послания*. Пер. с латинск.; ред. переводов, вступ. ст. и комм. М. Гаспарова (М. 1970) 176.

³ Любительские переводы-подражания А. А. Беломорского (*Стихотворения* [СПб. 1896]), А. А. Френкеля (*Анютинны глазки: Стихотворения* [Киев 1899]) и Н. Гейнрихсена (*Лучи Психеи* [Нежин 1910]) для нас интереса не представляют; эти эпизодические обращения к Горацию филологами остались незамеченными.

служившей ему образцом оды Горация рассказывает в своей книге академик М. П. Алексеев.⁴ “Изучение переводов поэтических текстов, – пишет он, – интересное и поучительное само по себе, порой может быть применимо не без пользы для критики текстов оригинала”.⁵

В стихотворении Горация вызывает трудность уже второй стих – поэт описывает памятник, который он создал: *exegi monumentum ... regaliq̄ue situ pyramidum altius*. Неясно, как понимать значение существительного *situs*. Ломоносов, Капнист, Востоков, Тучков опускают его в своих переводах (“превыше пирамид”, “выше пирамид”), и лишь после того как в 1856 г. был напечатан перевод А. А. Фета, *situs* начинают передавать словами ‘здание’, ‘строение’, ‘громеда’: “И зданий царственных превыше пирамид” (Фет); “Выше зданий царей – царственных пирамид” (Н. В. Фокков, 1873 г.); “И громад пирамид царственных выпсренней” (Б. В. Никольский, 1899 г.); “Царственных пирамид выше строения” (Брюсов, 1913 и 1918 гг.). Все последующие переводчики оставляют *situ* без перевода (“выше пирамид”, “превыше пирамид”, “пирамид выше”). Исключением являются переводы Н. И. Шатерникова: “Пирамидных *высот*, царственных, выше он” (1935 г.) и Н. В. Вулих: “Выше, чем пирамид царственных гордый *взлет*” (1963 г.).⁶

В двух случаях эпитет “царственный” перенесен с пирамид на памятник: “Вознесся, царственный, он выше пирамид” (В. Н. Крачковский, 1913 г.); “Он взнесен пирамид выше и царственной” (Я. Э. Голосовкер, 1955 г.).

Перевод этого стиха вызвал резкую отповедь Н. В. Моревой-Вулих:

Русский перевод основан здесь на ошибочном понимании Горация, которое необходимо исправить. В тексте стоит существительное *situs*, которое переведено как “строение”, а между тем оно значит совсем другое, происходя от глагола *sinere* “положить”, который может означать “оставить лежать” с частным нюансом “лежать бесплодно, сгнивать”... Переводить нужно: “выше царственного гниения пирамид”, т. е. пирамиды – сооружения бессмысленные.⁷

⁴ М. П. Алексеев. *Стихотворение А. С. Пушкина “Я памятник себе воздвиг...”* (Проблемы изучения) (Л. 1967). – На сс. 251–271 приведены тексты русских переводов оды Горация 3, 30.

⁵ Алексеев. *Указ. соч.*, 55.

⁶ Н. А. Чистякова, Н. В. Вулих. *История античной литературы* (Л. 1963) 260; (М. 1971) 350.

⁷ Н. В. Морева-Вулих. *Римский классицизм: творчество Вергилия, лирика Горация* (СПб. 2000) 263–264. Как указывает автор, новое понимание отдельных мест этой оды Горация принадлежит В. Пёшлю (V. Pöschl. *Horazische Lyrik* [Heidelberg 1991]).

В доказательство неверного понимания Горация Н. В. Вулих приводит русский перевод оды, который начинается так: “Создан памятник мной. Он вековечнее / Меди и пирамид выше *строения*”. Хотя имя переводчика не называется, оно хорошо известно почитателям русского Горация. Это А. П. Семёнов-Тян-Шанский, но у него второй стих читается совсем по-другому: “Меди и пирамид выше он *царственных*”.

В следующем, третьем, стихе в словосочетании *Aquilo impotens* прилагательное *impotens* можно понимать двояко: 1) ‘не владеющий собой’, ‘неистовый’ и 2) ‘бессильный’, ‘слабый’; оба значения встречаются в одах Горация.⁸ Ломоносов передает это сочетание как “бурный Аквилон”; его повторяют Капнист (перевод 1805 г.) и Тучков; близко у Фоккова: “лютый Аквилон”, Никольского: “Аквилон ярый” и Шервинского: “Аквилон лихой”.

В ряде случаев имя собственное *Аквилон* заменено на нарицательное “вихрь” (Державин, Востоков), “ветр” (Капнист, ранний перевод; Брюсов, перевод 1918 г.; Шатерников) или что-нибудь другое: “ураган небесный” (Крачковский, вариант перевода), “бурь необузданность” (Голосовкер).⁹

В переводе Семёнова-Тян-Шанского вместо Аквилона назван его греческий эквивалент Борей. “В переводе ошибка, – безапелляционно заявляет Морева-Вулих, – Аквилон самый грозный из ветров”.¹⁰ В своем переводе она использует словосочетание “Аквилона вихрь”. Оба названия этого ветра встречаем у Тучкова: “Ни едка древность, ни Борей, / Ни дождь, ни бурный Аквилон”.

Одни переводчики определение *impotens* вообще опускают, например, Востоков, другие наделяют Аквилон или ветер эпитетами, не имеющими отношения к силе: “шумящий” (Капнист, ранний перевод), “полночный” (Фет), “летучий” (Крачковский). Шатерников, напротив, усиливает значение ‘неистовый’: “ветр, яростно рвущийся”, в то время как Брюсов понимает *impotens* в значении ‘бессильный’: “Аквилон пустой” (1913 г.), “бессильный ветр” (1918 г.). В переводе поэта Н. Ф. Порфирова, который в 1902 г. предпринял перевод всех лирических стихотворений Горация, дана описательная конструкция, соединившая оба значения *impotens*: “ни сам Аквилон... в тщетной злобе своей”. М. Л. Гаспаров в *Истории всемирной литературы* приводит текст перевода Шатерникова, в котором *Aquilo impotens* переведено как “ветр, тщетно бушующий”.¹¹

⁸ Нор. *Carm.* 1, 37, 10, ср. Catull. 35, 12, и Нор. *Carm.* 2, 1, 26, ср. Catull. 8, 9.

⁹ Смысл, может быть, и не меняется, но исчезает античный колорит, к тому же насыщенная ономастика и топонимика – один из важнейших элементов поэтики Горация.

¹⁰ Морева-Вулих (прим. 7) 264.

¹¹ *История всемирной литературы* I (М. 1983) 482.

В четвертом и пятом стихах Гораций говорит о всеразрушающем времени: *innumerabilis / annorum series et fuga temporum*. “Ни множество веков, ни едка древность” переводит это место Ломоносов; “ни цепь несметных лет, ни время быстротечно” и “ни времени полет грозящий” – Капнист (1805 г. и ранний перевод); “ни ряд бесчисленных годов” – Фет, “бесконечная вереница годов, ни полет всех времен” – Фокков; “бесчисленный ряд годов и полет вечного времени” – Никольский; “ни бесчисленных ряд идущих годов или бег времени” – Брюсов (оба перевода); “или бесчисленный ряд кругов годовых, или бег времени” – Шатерников. Державин в своем переложении предельно кратко – “времени полет”.

В переводе Крачковского упоминание о времени вообще отсутствует. Интересно прочтение этого места у Востокова: “выдержит он годы бесчисленны, не почует следов быстрого времени”, т. е. у него второе предложение служит уточнением первого. Порфиоров, который при переводе Горация пользовался немецкими критическими изданиями латинского текста, в частности – выполненными Л. Мюллером, переводит этот стих так: “Ни несчетные годы в стремленье веков”. Таким образом, в соединительной конструкции Горация он усматривает гендиадис – сочинительное соединение двух понятий (*series et fuga*), из которых одно по смыслу является определением другого. Видимо, так понимает это латинское сочетание и Семёнов-Тян-Шанский: “бесконечная цепь годов в даль убегающих”. Голосовкер предлагает такой вариант: “Водопад времен – бег и звенья годов неисчислимы”. У Шервинского этот стих выглядит следующим образом: “ряд нескончаемых лет – время бегущее”, т. е. второй компонент латинской фразы в его переводе становится обособленным приложением.

У Горация в сочетании *innumerabilis annorum series* использована синтаксическая фигура энналага, т. е. прилагательное *innumerabilis*, формально согласованное с *series*, по смыслу относится к *annorum*: понимать следует *series innumerabilium annorum* “ряд бесчисленных лет”, что передано в переводах Капниста, Брюсова, Шервинского. Однако большинство переводчиков – Фет, Фокков, Никольский / Шатерников, Семёнов-Тян-Шанский, Голосовкер, Вулих – сохраняют латинское согласование: “ряд бесчисленный”, “бесконечная вереница”, “бесчисленный ряд”, “бесконечная цепь”, “звенья неисчислимы”, “неисчисляемый ряд”.

По-разному понимают русские переводчики и стихи 10–14, представляющие собой инфинитивный оборот с двумя придаточными предложениями места:¹²

¹² Я намеренно избегаю здесь знаков препинания, чтобы не навязывать читателю своего понимания латинского текста.

Dicar qua violens obstrepit Aufidus
 Et qua pauper aquae Daunus agrestium
 Regnavit populorum ex humili potens
 Princeps Aeolium Carmen ad Italos
 Deduxisse modos.

Именно в этих стихах Гораций заявляет о своих заслугах, дающих ему право на славу у потомков. Вот их перевод у Шервинского:

Назван буду везде – там, где неистовый
 Авфид ропщет, где Давн, скудный водой, царем
 Был у грубых селян. Встав из ничтожества,
 Первым я приобщил песню Эолии
 К италийским стихам.

Из этого перевода следует, что слава Горация будет распространяться только в пределах Апулии, места его рождения, что вряд ли соответствует тому, что хотел сказать поэт. Гораздо логичнее связывать придаточные предложения, вводимые союзом *qua*, не с личной формой глагола *dicar* (“обо мне скажут там, где...”), а с инфинитивным оборотом *deduxisse* (“обо мне скажут, что там, где...”). Именно так перевел это место Капнист:

Не перестанет всем молва о мне твердить,
 Что тамо, где Авфид стремится ревуши воды,
 И в дебрях, где простым народом Давн владел,
 Я первый, вознесясь от низкия породы,
 В латинские стихи эольску меру ввел.

Первоначальный вариант своего перевода “Где волны Авфида клубятся, / Где царство Давн свое имел, / В устах всех будет повторяться...” он пересмотрел и исправил. Капнист не знал латинского языка и пользовался иностранными, по его словам, “весьма неверными переводами” и указаниями знающих латинский язык друзей.¹³

Филолог и поэт А. Х. Востоков ставит наречие *qua* в связь с *dicar*, что нашло отражение в его переводе:

Там, где Авфид крутит волны шумящие,
 В весях, скудных водой, Давнус где царствовал,
 Будет слышно, что я...

¹³ См.: А. А. Веселовский. Капнист и Гораций. Эпизод из знакомства с классической литературой в конце XVIII – начале XIX в. // *Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук* 15 (1910) Кн. 1, 211.

Такое же понимание стихов Горация находим в переводах Ломоносова, Тучкова, Фоккова, Брюсова, Крачковского, Шатерникова.

А. А. Фет, издавший в 1856 г. все оды Горация, во втором издании 1898 г. не только исправил перевод этих стихов (“Слух обо мне пройдет на берег говорливый / Авфида быстрого... и т. д.”), но и дал в пересмотренном переводе их толкование:

И скажут, что *рожден*, где Авфид говорливый
Стремительно бежит, где средь безводных стран...

Фет добавил для ясности в свой перевод слово “рожден” – в подлиннике его нет – и в зависимость от него поставил придаточные предложения места.

Сходным образом понимает этот пассаж Горация лирический поэт Порфиоров:

Низкий родом, *из мест*, где гремит в берегах
Ауфид яростный, где – в маловодных краях –
Правил Давн земледельцев народом простым,
Буду славим, что первый латинским стихом
Песнь Эолии пел,

а также Семёнов-Тян-Шанский:

Будет ведомо всем, что возвеличился
Сын страны, где шумит Ауфид стремительный,
Где безводный удел Давна – Апулия.

Таким образом, они видят в стихах 10–12 тщательно разработанную перифразу, означающую “я апулиец”.

В переводе профессора римского права Б. В. Никольского связь *qua с deduxisse* подчеркнута особо: “Скажут там, где ревет Ауфид неистовый... / Первый там я в лады ввел Италийские / Песнь Эолии”.

В разбираемом нами отрывке есть еще одна синтаксическая трудность: неясно, к чему относится оборот *ex humili potens* – к *Daunus* или отсутствующему местоимению первого лица *ego*. Ломоносов относит его к Горацию, от лица которого написана ода: “мне беззнатный род препятством не был”. Так же поступают Державин: “из безвестности я тем известен стал”; Капнист: “я первый, вознесясь из низкия породы”; Востоков: “я – рода беззнатного отрасль”; Фет: “из ничтожества был славой я избран”; Фокков: “славен я из простых”; Порфиоров: “низкий родом... буду славим”; Семенов-Тян-Шанский: “возвеличился сын страны”; Шатерников: “мощный из низкого, первый я проложил”; Шервинский: “встав из ничтожества, первым я приобщил”.

Лишь Брюсов и Вулих относят оборот *ex humili potens* к Давну. В переводе Брюсова это звучит так:

И где бедный водой Давн был над сельскими
 Племенами царем, из ничего могущ.

А вот как – в переводе Вулих:

Стану известен всем. Скажут: родился я
 Там, где Ауфид шумит, там, где некогда Давн
 В бедных водой полях правил сельской страной,
 Ставший царем беглец.¹⁴

Как видим, переводчица включает в свой перевод разъяснение латинского текста (стану известен всем..., родился я..., ставший царем беглец...).

Неожиданный вариант прочтения горациевских стихов предлагает Голосовкер: “родом ничтожный смог / *Первой* песнь передать вольной Эолии / Италийским стихом”. Прилагательное *princeps* он относит не к Горацию,¹⁵ а к стоящему в аккумулятиве существительному *carmen*.

Немало вопросов ставят перед комментаторами заключительные стихи:

Sume superbiam
 Quaesitam meritis et mihi Delphica
 Lauro cinge volens Melpomene comam.

В этой фразе – два императива, причем субъект – Мельпомена – назван лишь после второго глагола *cinge*. Обращается ли Гораций, говоря *sume*, к той же Мельпомене или к кому-то другому? О чьих заслугах (*meritis*) он говорит? Кем приобретена (*quaesitam*) гордость (*superbiam*)? К чему относится местоимение *mihi* – к *cinge* (‘увенчай мне’) или к *volens* (‘ко мне благосклонная’)? В каком падеже стоит *volens*? И наконец, чьи кудри (*comam*) имеет в виду Гораций? Державин, например, считает, что здесь речь идет о музе:

О муза! возгордись заслугой справедливой,

 Непринужденною рукой, неторопливой
 Чело твое зарей бессмертия венчай.

¹⁴ Давн до того, как стал царем Апулии, был изгнан из Иллирии.

¹⁵ “Я первый” (Капнист, Востоков, Фокков); “первый я” (Фет, Никольский, Брюсов [1913], Шатерников, Вулих); “первым я” (Брюсов [1918], Шатерников).

Перевод Ломоносова двусмыслен:

Возгордися праведной заслугой, муза,
И увенчай главу Дельфийским лавром.

Спасает положение пояснение, данное в его *Кратком руководстве к красноречию* (СПб. 1748), куда включен этот перевод. Мысль Горация Ломоносов формулирует следующим образом:

Я поставил знак бессмертной своей славы затем, что первый сочинял в Италии оды, какие писал Алцей Еольский, стихотворец, того ради должна моя муза себя лавровым венком увенчать.¹⁶

Исключая Ломоносова и Державина, все переводчики обнаруживают здесь редкостное единодушие: они относят *comat* не к Мельпомене, а к самому поэту: “украшь мое чело”, “лавром увенчай меня” (Капнист), “увенчай лавром главу мою” (Востоков), “мое чело ты увенчай” (Тучков), “лавром увенчай руно моих кудрей” (Фет), “мне же... лавром обвей чело” (Фокков), “мне свей на кудри венец лавры дельфийские” (Никольский), “мне кудри увей... лавровым венком” (Порфиоров), “мне... увенчай голову лаврами” и “мою голову... венчай лавром” (Брюсов), “лавром голову Дельфийским мне обвей” (Крачковский), “увей лавром чело мое” (Семенов-Тянь-Шанский), “мне ж кудри лавром обвей” (Шатерников), “дельфийской листвою мне увенчай главу” (Голосовкер), “увей... чело мое” (Вулик), “лаврами Дельф мне увенчай главу” (Шервинский).

А теперь посмотрим, как обстоит дело с “заслугами”, о которых говорит Гораций. У Капниста мысль Горация выражена весьма неопределенно: “Гордись блистательным отличьем, Мельпомена!”. Востоков вносит ясность: “Сим гордиться позволь мне по достоинству, Муза!”. А вот Тучков вообще отходит от текста оригинала: “Мольбам, о муза, вознесенным моим к тебе теперь внимай!”. В переводе Фета “заслуга”, по всей видимости, принадлежит самому поэту: “свей заслуге гордой в честь сама венец дельфийский”. Перевод Фоккова выглядит двусмысленно: “Так возгордись же ты, сколь заслугам должно; мне же... лавром обвей чело!” Нет ясности и в переводе Никольского: “Льстись гордостью, гордостью, Муза, мздою заслуг”. У Порфиорова “заслуга” принадлежит Мельпомене: “О, заслугой своей, Мельпомена, гордись”. Брюсов выражается не вполне ясно: “Гордость заслуженно, Мельпомена, прими” (1913 г.) и “гордость заслуженно утверди” (1918 г.). Имеется

¹⁶ М. В. Ломоносов. Краткое руководство к красноречию... // Полное собрание сочинений VII (М. – Л. 1952) 314.

ли в виду гордость самого поэта или гордость за него Мельпомены? Непонятно. Впрочем, нет определенности и в переводе Крачковского: “О, Муза, гордость должную имей!” А вот Семенов-Тянь-Шанский свое понимание этих стихов Горация раскрывает полностью: “Возгордись этой памятной ты заслугой моей”. У Шатерникова “заслуга”, похуже, принадлежит Мельпомене: “Гордость заслуженно, Мельпомена, яви”,¹⁷ а у Голосовкера – поэту: “С благоволением, Мельпомена, прими гордую славу дел”. Перевод Вулих не дает повода для сомнений: “Будь же мною горда, о Мельпомена”. Перевод Шервинского “Славой заслуженной, Мельпомена, гордись” может быть понят лишь из его перевода предшествующих стихов “назван буду везде – там, где неистовый Авфид ропщет” и т. д., т. е. имеется в виду слава, которой Гораций пользуется у себя на родине – в Апулии.

И последнее – падеж причастия *volens*. Что это? Предикативный номинатив к *cinge* или вокатив, определяющий имя собственное *Melpomene*? Никольский, Порфиоров и Брюсов понимают *volens* как предикативный номинатив и переводят его наречием “благосклонно”, Голосовкер и Вулих – существительным с предлогом: “с благоволением” и “с лаской” соответственно. В переводе Семенова-Тянь-Шанского *volens* становится вокативом: “благосклонная Мельпомена”. У Шатерникова (“Гордость заслуженно, Мельпомена, яви, – мне ж, благосклонная, кудри лавром обвей”) и Шервинского (“Славой заслуженной, Мельпомена, гордись и, благосклонная, ныне лаврами Дельф мне увенчай главу”), судя по пунктуации, *volens* – вокатив. У остальных переводчиков *volens* отсутствует.

Как мы видим, во многих случаях у переводчиков нет единого мнения в толковании труднопонимаемых мест. Иногда тот или иной оборот латинского текста подлинника, вызывающий у переводчика затруднение, в русской версии вообще отсутствует. Иной раз русский перевод настолько невразумителен, что сам нуждается в истолковании.

Лучший перевод – тот, который максимально близок оригиналу и не вызывает у читателей вопросов. Подробный подстрочный комментарий (Фет, Фокков) и всякого рода пояснительные заметки (Тучков, Никольский) – не лучшее решение проблемы. По мнению Порфиорова, “нет ничего тягостнее бесконечных пояснений”. Действительно, перевод предназначается главным образом читателю, не искушенному в латыни, то есть читателю самому многочисленному, а ему обстоятельный, ученый комментарий по большей части ни к чему.

¹⁷ В его комментарии к латинскому Горацию это выражено предельно ясно: “*quaesitam meritis* приобретенной (твоими) заслугами”. См.: Квинт Гораций Флакк. *Избранные произведения (Оды, эподы, сатиры)*. С комм. проф. Н. И. Шатерникова. Общ. ред. акад. М. М. Покровского (М. 1947) 60.

Перевод может быть полезен и для специалиста. Благодаря переводу он начинает замечать в тексте оригинала то, что прежде от него по разным причинам ускользало.

Ода Горация “*Exegi monumentum*”, впервые появившаяся на русском языке 260 лет назад, в последний раз переводилась в середине XX в. Необходимость в новом переводе давно назрела. Однако каждому, кто возьмется за это нелегкое дело, следует прислушаться к замечанию превосходного знатока античности, поэта и переводчика, в частности од Горация, И. Ф. Анненского, сделанному им по поводу перевода П. Ф. Порфирова:

Древний лирик вообще мало поддается переводам; от добросовестного перевода чаще всего пахнет пылью... Но из римских лириков менее всего поддается переводу на русский язык, несомненно, Гораций, и особенно его оды.¹⁸

В. С. Дуров

Санкт-Петербургский государственный университет

The author examines Russian translations of Horace's *Carm.* 3, 30 focusing on different interpretations of the Latin text.

¹⁸ И. Ф. Анненский. *Разбор стихотворного перевода лирических стихотворений Горация П. Ф. Порфирова* (Отдельный оттиск из отчета о XV присуждении Пушкинских премий) (СПб. 1904) 3.